

на образование активистского сообщества, способного, посредством горизонтальных связей, мобилизовывать сочувствующих на решение локальных проблем гражданского характера.

Примечание: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32222.

Список использованной литературы

1. Short L. Gender Subjectivity//Studies in gender. – Melburn, 1992. Цит. по: Рассел У. Речь. Повествование и социальные перемены//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политика. – М.,1997. – № 1.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2021 года. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895> (24.10.2021).
3. Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому / Под редакцией Карин Клеман. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 544 с.

Мельников К.В. (Екатеринбург, Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СЕТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА

Исследования российских элит на всех уровнях все чаще приходят к признанию доминирующей роли неформальных механизмов принятия решений и распределения политически значимых ресурсов [1;2;3;4]. Сдвиг исследовательского фокуса с формальных институтов согласования решений (органы законодательной и исполнительной власти, судебная система, политические партии, общественные организации) на неформальные лично-ориентированные взаимодействия неизбежно наталкивается на отсутствие адекватного такой задаче категориального и методологического аппарата. Поэтому говоря о патрон-клиентских пирамидах или неформальных сетях исследователи часто вынуждены использовать эти термины как метафоры, не эксплицируя достаточно четко ни типы отношений, которые формируют такие неформальные структуры, ни содержание обмениваемых ресурсов, ни внутреннюю организацию таких структур.

Первым шагом к более строгой концептуализации феномена неформальных сетей может стать применение аппарата сетевого анализа (Social Network Analysis – SNA). Опираясь на теорию графов, SNA позволяет раскрыть важные черты неформальных сетей, которые интересуют исследователей элит. Среди таких черт можно выделить общую связность сети, определение сообществ и оценку их автономности, а также выявление ключевых игроков. Причем в последнем SNA

предлагает богатые арсенал метрик, каждая из которых отражает разную роль, которую играет конкретный игрок во взаимосвязях с другими членами сети.

С учетом трудностей четкого определения того, что является связью, которая может быть внесена в модель, метод SNA все же хорошо вписывается в базовые предположения того, что дают представителям элиты связи друг с другом. Во-первых, разнообразие и глубина связей могут отражать ресурсный потенциал игрока. Действительно, разные представители элиты могут иметь в своем распоряжении разные виды ресурсов. Связи с держателями ресурсов разных типов могут свидетельствовать о довольно выгодной позиции внутри элитной сети конкретного игрока. Во-вторых, моделирование сети дает возможность оценивать механизмы коалиционной политики. Если в сети можно выделить сообщества, плотно переплетенные внутри себя, и слабо связанные между собой, можно сделать обоснованное предположение о возможности строительства коалиции именно по этой линии.

Существующие исследования элитных сетей, которые опираются на идеи SNA, в основном носят описательный, эксплоративный характер. Однако сетевой анализ позволяет применять и специфические статистические модели, позволяющие оценить влияние различных характеристик акторов на формирование между ними связей. Такими методами могут выступить экспоненциальное моделирование случайных графов (*EGRM*) и стохастические агент-ориентированные модели (*SOAM*) [5].

Анализ элитных связей в России и СССР уже имеет определенную традицию исследований, в той или иной степени опирающихся на идеи сетевого анализа. Каковы их основные выводы и методологические предпосылки?

У. Райзингер и Дж. Виллертон, анализируя факторы карьерной мобильности первых секретарей обкомов СССР всего послевоенного периода до перестройки, установили, что наличие патронажных связей с республиканскими или всесоюзными элитами для карьеры региональных политиков являлось статистически более существенным фактором, чем значимость региона или его экономические успехи. При этом патронажную связь авторы операционализировали посредством биографического анализа через следующие параметры: а) два политика в течение некоторого времени работали вместе в одном регионе как минимум дважды; б) у обоих политиков должна наблюдаться вертикальная мобильность, хотя ее скорость может отличаться; в) обучение в одном учебном заведении или служба в одном воинском подразделении как дополнительное указание на наличие связи; г) должно наблюдаться по крайней мере два случая, когда нижестоящий политик получал повышение в первые пять лет нахождения во власти предполагаемого патрона (например, в качестве первого секретаря комитета КПСС различных уровней) [6].

В своем более раннем эксплоративном исследовании Дж. Виллертон воссоздал структуру патронажных сетей брежневского периода. Оказалось, что клиента Брежнева не ограничивался знаменитым днепропетровским кланом. В составе ЦК КПСС и Центральной ревизионной комиссии 1976–1981 гг. находилось 45–49 личных клиентов Брежнева, а его расширенная сеть (клиенты клиентов) достигала 95 человек,

то есть почти каждый пятый от общего числа членов этих органов. Роль Брежнева – это роль суперпатрона, связывавшего между собой обособленные патронажные пирамиды, основными среди которых помимо днепрпетровского клана были харьковская (Н. Подгорный), московская (И. Капитонов), белорусская (К. Мазуров) группы, а также личная сеть М. Суслова.

Подход, который использовал Дж. Виллертон, в целом повторяет описанный выше с одной существенной ремаркой. Автор изначально сформировал два пула политиков на основе их формальных позиций: пул потенциальных патронов (Политбюро и Секретариат) и пул потенциальных клиентов (весь состав ЦК КПСС и Ревизионной Комиссии), а уже затем искал карьерные пересечения по аналогичным правилам. Соответственно, хоть автор и не прибегает к сетевой терминологии, пользуется логикой двудольного графа (bipartite graph), исключая любые горизонтальные альянсы между членами патронажных иерархий и изначально вывода самого Брежнева на вершину этой пирамиды [7].

Дж. Истер, объясняя успех советского государственного строительства, выдвинул гипотезу, что не столько организационная сила партии большевиков, сколько личные связи ее лидеров позволили большевикам довольно быстро распространить свою власть на обширную территорию нового государства в условиях разрушенной управленческой, транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Такие сети личных связей формировались преимущественно в революционном подполье и на фронтах Гражданской войны, т.е. в условиях регулярной опасности и очевидного дефицита и одновременно ценности межличностного доверия.

Методологически Дж. Истер уже ближе своих предшественников подходит к аппарату сетевого анализа. Не представляя сети *per se*, он опирается на составленные им социоматрицы личных связей между членами центрального аппарата партии и региональных комитетчиков. Такие социоматрицы исследователь составил на основе двух правил: а) свидетельство рабочих отношений на протяжении более года в одной из трех сред: дореволюционное подполье, Гражданская война либо послевоенная региональная администрация; б) свидетельство дружбы или отношений родства, выявленных на основе анализа корреспонденции, мемуаров и биографий [8].

Полноценно сетевой подход к анализу административной элиты был применен в исследовании Ф. Чапковского [4]. Сравнивая связи в рамках федеральной элиты в 2000 и 2008 гг., он показал, что элитные сети в России имеют тенденцию к уплотнению и к большей централизации вокруг одного патрона. Методологически автор следовал сложившимся подходам, но в несколько облегченном формате. С помощью программного кода был осуществлен поиск карьерных пересечений между каждой парой государственных деятелей, включенных в выборку. Упрощение правил регистрации связей отвечает изменившейся структуре российской элиты по сравнению с советским периодом: единый канал карьерной мобильности в виде КПСС перестал существовать, и источниками неформальных связей могли являться различные институциональные среды (бизнес, общественные организации, органы власти и т.п.).

Таким образом, концептуализация неформальных сетей происходит посредством биографического анализа как пересечение предшествовавших попаданию в элиту карьерных траекторий. Однако повестка будущих исследований должна учитывать, что такой подход является лишь косвенным показателем личной связи, и потому необходим поиск подходов для верификации таких пересечений и для включения в модель внешних по отношению к карьере источников формирования связей. С этим связана первая исследовательская перспектива. Второе – исследования региональных элитных сетей остаются в тени общего интереса к федеральной элите. Хотя такая оценка была бы интересна в силу очевидной географической локализации патрон-клиентских отношений. Третье – повышение эвристического потенциала сетевых исследований может быть достигнуто только через сопоставление сетевых позиций и различных политически значимых эффектов. Например, при оценке региональных бюрократий было бы интересно посмотреть на то, как сетевая позиция влияет на объем доступных для игрока властных ресурсов. Поскольку сама интенция применения SNA к элитным структурам связана со скрытым предположением, что в сетях имеет место распределение властных ресурсов, было бы важно сделать это предположение явным и оформленным как самостоятельная гипотеза.

Список использованной литературы

1. Чирикова А. Е. Региональная власть: неформальные практики // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник. – 2006. – С. 180-205.
2. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 88-105.
3. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. – Рипол Классик, 2016.
4. Чапковский Ф.И. Социальные сети и административное рекрутирование в России: на примере федерального правительства 2000–2008. Выпускная квалификационная работа. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011, 42 с.
5. Keller F. V. Analyses of elite networks // The Palgrave handbook of political elites. – Palgrave Macmillan, London, 2018. – pp. 135-152.
6. Reisinger W. & Willerton J. Elite Mobility in the Locales: Towards a Modified Patronage Model. – Elites and political power in the USSR. Aldershot: Elgar, 1988, pp. 99–127.
7. Willerton J. Patronage networks and coalition building in the Brezhnev era. // Soviet Studies. 1987, № 39(2). P.175–204.
8. Easter G. Reconstructing the state: personal networks and elite identity in Soviet Russia. N.Y.: Cambridge University Press, 1999, 222 p.